

Заручившись поддержкой тётушки Сюэ Юнь, Хань Хэн избавился от необходимости выскальзывать из дома тайком. Теперь он мог позволить себе выйти со двора с гордо поднятой головой, прихватив для солидности двоих слуг и одного охранника.

Хэ Тао ловко уложила ему волосы. Глядя в зеркало, как пряди собираются на макушке в тугой аккуратный узел, Хань Хэн невольно залюбовался. Надо признать, мужские причёски в эти времена выглядели на редкость изящно.

Лицо Хань Хэна отличалось благородными чертами — один только высокий, открытый лоб чего стоил. Когда лекарь Лан закончит свою работу, он наверняка превзойдёт красотой себя прежнего. В прошлой жизни его внешность была довольно заурядной, из-за чего он не раз подумывал о поездке в Южную Корею к тамошним пластическим хирургам.

Кто бы мог подумать, что судьба сделает такой крутой вираж и под нож хирурга он ляжет в этой глуши.

— Хэ Тао, как думаешь, мне идёт эта маска? — как бы между прочим поинтересовался Хань Хэн.

— Очень идёт, — ответила та.

Хань Хэн мысленно хмыкнул.

«Ответила секунды не думая. Сплошная лесть».

Он слегка коснулся пальцами уложенных волос, повернулся к служанке и с улыбкой прищурился:

— А если честно? Когда было лучше — прежде или сейчас, под маской?

Девушка отвела взгляд и в замешательстве принялась теревить край своего платья. По всему её виду было понятно, что вопрос застал её врасплох.

— Раньше... Нет, сейчас молодой господин выглядит куда лучше.

Хань Хэн усмехнулся:

— Ладно уж, не буду тебя мучить.

Он небрежно поправил широкие рукава, поднялся со стула и вышел во двор, высматривая кое-кого среди слуг.

Хэ Тао послушно последовала за ним.

— Сегодня ты остаёшься дома, — бросил он через плечо. — Кстати, а где эта... как её, Му Сян? Позови её. Возьму девчущку с собой, пускай погуляет.

Хань Хэну вспомнилась эта пугливая замарашка. Она была совсем ещё дитём и мало что видела в жизни, так что ему искренне хотелось показать ей мир за пределами поместья.

— Молодой господин разве не знает? — удивлённо спросила Хэ Тао.

В груди у Хань Хэна шевельнулось недоброе предчувствие. Он нахмурился:

— Не знает о чём?

— Юный принц приказал старшей экономке рассчитать её. Позавчера мать забрала её обратно в деревню. Му Сян так плакала, когда уходила...

— Погоди... С какой стати юный принц распоряжается в моём дворе?

— Эту усадьбу купил юный принц Чжуан, — тихо произнесла Хэ Тао, понуриив голову. — Да и вся прислуга здесь из его княжеского поместья.

Хань Хэн опешил.

Теперь становилось понятно, почему при первом же разговоре о собственном деле тётушка Сюэ Юнь, несмотря на всю свою неприязнь к его связи с Чжуан Линем, сразу же велела идти к нему. В эту чужую эпоху действовало то же золотое правило, что и в его прежнем мире: у кого кошелёк, у того и власть.

Желание поскорее встать на ноги и начать зарабатывать самому стало почти осязаемым.

— Где её родная деревня? — спросил он.

Хэ Тао посмотрела на него со смесью тревоги и сочувствия, а затем нерешительно произнесла:

— Молодой господин... вы ведь не собираетесь возвращать её обратно?

Хань Хэн лишь приподнял бровь в ответ.

— Позвольте мне сказать прямо. Девчущку отослал сам юный принц. Если вы вернёте её, это

будет открытым вызовом его воле. В Саду Сюэ все управляющие — старые слуги из его резиденции. Если вы действительно желаете ей добра, лучше оставьте всё как есть. Ей при расчёте дали щедрое выходное пособие. Она расплакалась просто от обиды и стыда — ребёнок ведь ещё. Вернётся домой, поживёт в семье несколько дней, и всё наладится.

«А ведь она права», — с горечью подумал Хань Хэн.

Ну привезёт он девчонку обратно, и что дальше? Чжуан Лин сочтёт это покушением на свой авторитет и в наказание вышвырнет из поместья вообще всех служанок, отправив их на какую-нибудь каторгу. На душе стало паршиво, но поделать с этим он пока ничего не мог.

Как раз в этот момент на пороге показался один из личных слуг Чжуан Линя. Он принёс весть: юного принца оставили на обед во дворце, так что сегодня он прийти не сможет.

— Его Высочество просил передать, что навестит вас завтра с самого утра, — расторопный парень тактично улыбнулся и заискивающе добавил: — Кстати говоря, господин Хань, пришлось ли вам по вкусу то сливовое крепкое вино, что присылали на днях?

Помня о привычке Чжуан Линя заваливать его подарками до полного абсурда — вроде того случая, когда тот прислал целый сад цветов, — Хань Хэн поспешно замахал руками:

— Благодарю, но одного раза вполне достаточно. Больше не нужно.

Слуга понимающе кивнул, хотя на лице его отразилась глубокая задумчивость.

Общение с людьми Чжуан Линя всегда нагоняло на Хань Хэна лёгкую неловкость, так что он поспешил спроводить гостя. Теперь стало окончательно ясно: брать с собой служанок в город — затея гиблая. Хэ Тао ходила за ним как за родным, и подвергать её опасности из-за собственной прихоти он не собирался. Не хватало ещё лишить девушку куска хлеба.

На этот раз Хань Хэн отправился в путь в паланкине. Дорога оказалась настолько долгой и монотонной, что он успел задремать в душной кабине, и очнулся лишь тогда, когда его вежливо позвали снаружи.

Место было отнюдь не глухое — паланкин опустили в самом конце оживлённой улицы, застроенной аккуратными лавками древностей, чайными домиками и прочими обителями изысканного досуга. У ворот нужного здания уже можно было уловить доносящиеся из глубины нежные, едва различимые звуки флейты и лютни.

Эта негромкая, ускользающая мелодия манила за собой, обещая нечто таинственное и прекрасное.

Слуги постучали. Прошло немало времени, прежде чем тяжёлая дверь наконец приоткрылась.

— Кто там ещё? Сегодня Башня Слушания Лебедей закрыта, проваливайте, — раздался из-за двери раздражённый, хриплый голос, прервавшийся сухим кашлем. Сам привратник скрывался в полумраке, из проёма виднелся лишь его высокий и угловатый силуэт.

— Пойдите! — Хань Хэн решительно шагнул вперёд.

Тот явно не ожидал от гостя подобной прыти. Он бесцеремонно толкнул створку ворот, отчего парень внутри отшатнулся на два шага назад и едва не полетел кувыком с крыльца.

— Прошу прощения, какая неловкость! — лучезарно улыбаясь, Хань Хэн боком протиснулся в образовавшуюся щель. Сопровождавшие его слуги тут же тенью скользнули следом.

— А ну пошли вон! Кто вас сюда впустил?! — вскипел юноша. Сверкнув глазами, он схватил стоявшую у стены бамбуковую хворостину и замахнулся, намереваясь огреть незваного гостя.

Охранник Хань Хэна среагировал мгновенно — шагнул вперёд, перекрывая дорогу и принимая устойчивую стойку.

Юноша замер, оценивая габариты защитника. Опустив ветку, он прищурился и смерил Хань Хэна презрительным взглядом:

— Решили покуражиться в Башне Слушания Лебедей? Место-то хоть выбирайте. Вы вообще знаете, кто покровительствует нашему заведению?

Хань Хэн мягко отодвинул охранника в сторону, шагнул вперёд и вежливо сложил руки в приветствии:

— Моё имя Хань Хэн, я из Сада Сюэ. Я пришёл сюда не ради праздного веселья. У меня есть важное дело к хозяину вашей почтенной башни.

— Хозяина нет, он занят! Да если бы и был здесь — станет он тратить время на всяких встречных-поперечных!

— Ах ты, паршивец!.. — Би Гэнь, один из слуг Хань Хэна, вспыхнул от такой дерзости и уже готов был кинуться на наглеца с кулаками.

Однако Хань Хэн властным жестом остановил его. Он обернулся к своим людям и ожёг их таким пронзительным взглядом, какого они у своего кроткого господина ещё ни разу не видели. Слуги мгновенно притихли и замерли как вкопанные.

Вновь повернувшись к юноше, Хань Хэн как ни в чём не бывало приветливо улыбнулся и мягко произнёс:

— Прошу простить мою невоспитанность. Будьте так добры, передайте хозяину, что я жду. Би Гэнь.

Би Гэнь, всё ещё кипя от злости, неохотно полез в кошель. Повозившись, он с самым кислым видом выудил оттуда крошечный кусочек серебра весом от силы в два лян и протянул привратнику.

Юноша даже не шелохнулся. Скрестив руки на груди, он надменно посмотрел на слугу и ухмыльнулся:

— Это вы кого сейчас милостыней обделили? На нищего я, по-твоему, похож? Или думаешь, я за пару грошей продамся?

— Вот же неблагодарный выскочка... — сквозь зубы процедил Би Гэнь.

Хань Хэн перехватил руку слуги, забрал серебро, а затем без малейшего сожаления снял со своего пояса изящный нефритовый полудиск, служивший ему для пущей солидности, и вложил его вместе с монетой прямо в ладонь юноши.

Парень машинально сжал пальцы и взвесил вещицу на ладони.

— Старинный нефрит? — он удивлённо взглянул. Он подбросил подвеску в воздух, ловко поймал её на лету и, заносчиво вскинув подбородок, буркнул: — Ладно уж. Ждите здесь.

— Молодой господин, зачем вы потакаете этому наглецу? — возмутился Би Гэнь, как только парень скрылся за дверью. — Смотрит на людей как на грязь под ногами. За такую спесь ему давно пора глаза на затылок натянуть!

Хань Хэн невозмутимо разгладил складки на своём халате:

— Если проблему можно решить с помощью денег, то это не проблема, а просто расходы.

Би Гэнь лишь горестно вздохнул. Его отец служил в Саду Сюэ кем-то вроде помощника управляющего, и хотя они появились там недавно, парень прекрасно знал, что казна поместья пуста как никогда.

Хань Хэн сразу понял, о чём тот сокрушается, и весело подмигнул:

— Ну-ка, подай мне веер, духота невыносимая. И запомни: деньги — дело наживное. Сегодня ушли, завтра вернутся. Тот, кто боится тратить, никогда не научится зарабатывать.

Совершенно сбитый с толку этой философией, Би Гэнь молча протянул ему веер.

Хань Хэн с эффектным щелчком распахнул веер. Вид у него при этом был самый победоносный, если бы не одно «но»: на дорогой белоснежной бумаге с золотым тиснением красовалась выведенная на редкость неуклюжими каракулями надпись: «Грести золото лопатой».

У стоявших позади слуг при виде этого шедевра каллиграфии одновременно возникло непреодолимое желание прикрыть лицо руками.

Эту надпись Хань Хэн начертал собственноручно. К кисти он ещё толком не привык, а потому безнадёжно испортил веер, стоивший, между прочим, добрых двадцать лянов серебра из-за редкого сорта бамбука. Впрочем, сам он ничуть не расстраивался. Для своего первого выхода в свет Хань Хэн выбрал роль эксцентричного, но чертовски гениального дельца. А у каждого уважающего себя гения должны быть свои причуды. Поскольку настоящих странностей у него не водилось, приходилось выдумывать их на ходу.

Прошло не меньше получаса. Солнце безжалостно катилось к зениту, накаляя воздух. Слуги несколько раз умоляли Хань Хэна отойти в тень раскидистых деревьев, но тот упрямо оставался стоять на самом пёке.

Когда привратник наконец вернулся и увидел, что гость всё так же непоколебимо стоит под палящими лучами, его пренебрежительное отношение заметно поубавилось.

Хань Хэн по-прежнему дружелюбно улыбался, хотя из-за глухой маски на лице эта улыбка казалась загадочной и слегка зловещей.

— Иди за мной. Твоим людям внутрь нельзя, — буркнул юноша.

Хань Хэн кивнул слугам, велел им подождать где-нибудь неподалёку в чайной и последовал за своим провожатым. Они петляли по узким мощёным дорожкам внутреннего сада. Хань Хэн с любопытством рассматривал усадьбу: изящные изогнутые крыши павильонов, крытые переходы и беседки. В дальнем конце двора вода, пущенная по широким бамбуковым желобам толщиной в руку, с тихим журчанием низвергалась с вершины искусственной каменной горки, имитируя горный водопад.

— Позволь спросить, как мне к тебе обращаться? Думаю, мы ещё не раз увидимся, — дружелюбно завёл разговор Хань Хэн.

Юноша неохотно покосился на него:

— Дин Му.

— Чудесное место, — продолжил Хань Хэн. — Я недавно вернулся в эти края и здешних порядков совсем не знаю. Коли мои люди нагрубили тебе сгоряча — не держи зла.

По правде говоря, Дин Му по характеру напоминал пороховую бочку — вспыхивал от малейшей искры, да и за словом в карман не лез, но без причины кулаками не махал. Он криво усмехнулся:

— Нечего мне зубы заговаривать. Тебе нужен хозяин, так с ним и беседуй. Я в твоих делах ничего не смыслю, да и слушать недосуг. Из Башни Слушания Лебедей за последние годы разбежались почти все слуги. Теперь я один заменяю и дворника, и экономку, и привратника. Кручусь как белка в колесе с утра до ночи. Чем меньше бездельников сюда шляется, тем мне спокойнее.

Резкий тон юноши нисколько не задел Хань Хэна. Он продолжал ненавязчиво расспрашивать Дин Му, пропуская колкости мимо ушей. Из этой короткой беседы ему удалось выяснить главное: дела у Башни Слушания Лебедей и впрямь шли из рук вон плохо. Заведение открывало свои двери от силы раз-два в месяц. Из прежней труппы остались лишь три музыканта да пара танцовщиц, а само предприятие держалось на плаву исключительно благодаря щедрости нескольких преданных завсегдатаев.

Стоило, однако, зайти речи об этих «завсегдатаях», как Дин Му спесиво задрал нос чуть ли не до самых облаков.

Судя по всему, покровители у заведения были птицами высокого полёта — те самые загадочные «хозяева», о которых юноша упоминал у ворот. Впрочем, Хань Хэн не торопился верить на слово: время покажет, было ли это пустой похвалой или чистой правдой.

Тем не менее усадьба впечатляла своими размерами. Чтобы обойти её целиком, потребовалось бы не меньше пары часов. Правда, сад выглядел запущенным: многие декоративные кусты засохли, деревянные постройки давно требовали покраски, а пруды заросли тиной и были усыпаны палой листвой, которую никто не убирал.

— Пришли, — вывел его из задумчивости голос Дин Му.

Перед ними выросла массивная резная дверь, над которой красовалась вырезанная на дереве надпись: «Бегониевый пейзаж».

— Дальше сам ступай. Хозяин занемог, так что выбирай выражения, — предупредил напоследок Дин Му.

Хань Хэн кивнул и легонько толкнул дверь, отозвавшуюся протяжным, жалобным скрипом.

Внутри царил полумрак, мешавший разглядеть убранство комнаты. В нос тут же ударил тяжёлый, удушливый аромат. Это не был привычный благородный запах сандала или сухих трав — сквозь приторную сладость отчётливо проступали гнилостные, солоноватые нотки застоявшейся крови и болезни.

Впрочем, для покоев человека, изнурённого долгой болезнью, подобный запах удивления не вызывал.

Хань Хэн решил не прикрывать за собой дверь, чтобы впустить хоть немного свежего воздуха, и смело шагнул внутрь.

На невысокой кушетке у самого окна полулежал бледный, истощённый мужчина. Несмотря на летний зной, он кутался в тяжёлую серебристую шубу из лисьего меха. Он сидел вполоборота к вошедшему, являя взору лишь изящный, поистине лебединый изгиб шеи. Хань Хэн ещё даже не разглядел его лица, но он почувствовал, как сердце забилось чуточку быстрее.

«М-да, со своей прежней внешностью мне здесь точно ловить было бы нечего», — уныло подумал он.

Люди в этом мире обладали какой-то невероятной, притягательной красотой. И дело было даже не в правильности черт лица, а в неуловимом, врождённом величии и изяществе манер, перед которыми обычный человек невольно чувствовал себя неотёсанным мужланом.

— Что же ты стоишь на пороге? Проходи, присаживайся. Или мне прикажешь задирать голову, пока шею не сведёт?

Хань Хэн лишился дара речи. Мужчина даже не соизволил повернуться, но его хриплый, каркающий голос и бесцеремонный тон разом разрушили весь ореол таинственности.

«Что за дурдом... — пронеслось в голове Хань Хэна. — Почему в этом мире каждый первый мнит себя пупом земли?»

Стоило ему опуститься на стул, как немощный хозяин Башни Слушания Лебедей, точно имея глаза на затылке, сухо бросил:

— Налей себе чаю сам.